

УДК (571.5)

Развитие свободомыслия и проявление общественной активности у сибирских народов в XIX – начале XX в.

Ч. Г. Андреев

Улан-Удэнский институт железнодорожного транспорта – филиал ИрГУПС, г. Улан-Удэ

Аннотация. Анализируется деятельность видных представителей сибирских аборигенов во второй половине XIX – начале XX в. с точки зрения их конструктивного воздействия на развитие образования, культуры и религиозное сознание своих народов.

Ключевые слова: образование, общественные организации, религия.

Благодаря просветительской деятельности передовой русской интеллигенции среди коренных народов Сибири появились первые представители науки и культуры. Особое место среди них занимает Доржи Банзаров. Хотя его деятельность относится к первой половине XIX в., но его необходимо упомянуть как первого бурятского ученого. Сын забайкальского бурят-казака поступил в 1836 г. в Казанскую гимназию, а в 1842 г. – в Казанский университет. Успешно закончив его, Д. Банзаров подготовил и блестяще защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук [15]. Темой научного исследования он избрал одно из направлений духовного сознания своего народа – религиозное шаманское верование бурят. Д. Банзаров, кроме русского, бурятского, монгольского языков, знал маньчжурский язык, свободно читал на французском, немецком и английском языках. Он снискал широкое признание общественности своими научными исследованиями в области ориенталистики и этнографии.

Общение с русским населением, а также приникавшие в улусы (аалы) товарно-денежные отношения оказали большое влияние на повышение познавательной активности аборигенов. Царские чиновники, посетившие Восточную Сибирь в конце XIX – начале XX в., отмечали, что «огромное стремление к образованию, проникшее к инородцам, является результатом сознания опасности обеднения и вымирания». Главный инспектор училищ Восточной Сибири Г. Василенко в своем отчете от 25 апреля 1911 г. писал: «Там, где инородцы находятся в соседстве с русскими, вступают с ними в те или другие жизненные отношения (например, торговые, по отдаче в аренду земель, по подрядам на разные работы) они ощущают нужду в знании русского языка как разговорного, так и письменного, и потому сами проявляют инициативу в устройстве школ; в глухих же и удаленных углах, населенных

инородцами, где на них русское влияние отражается весьма мало, инородцы не видят нужды в школьном обучении и к устройству среди них школ относятся с полным равнодушием» [17, л. 10 об.].

В отчете о состоянии Якутской епархии за 1909 г. отмечалось, что «...желание учиться и учить детей грамоте у якутов, несомненно, есть, но местные условия жизни, разбросанность их жилищ, отдаленность от школьных пунктов, и также бедность весьма затрудняют открытие и поддержание инородческих школ» [18, л. 10]. Вместе с тем обучаться могли в основном дети состоятельных инородцев. Исследователь хакасов П. Е. Островских писал: «Инородцы весьма способны. Красноярская учительская семинария видела в своих стенах целый ряд их, и все они были на лучшем счету» [16, с. 325]. М. А. Кроль в одной из своих записей отмечал: «Стремление к европейскому образованию сделало уже большие завоевания среди бурятской молодежи. И, как это водилось, всюду на почве таких стремлений возникали острые конфликты между “отцами и детьми”. Так, например, один молодой бурят кончил читинскую гимназию и рвался в университет. Но отец его, богатый человек, пользовавшийся огромным влиянием среди своих сородичей, не хотел отпустить юношу. Он говорил, что сыну довольно учиться и пора подумать о женитьбе, тогда сын обратился за помощью к своим читинским друзьям, которые поставили в известность об этом деле губернатора. Вмешательство последнего вынудило отца отпустить сына. Счастливый, он уехал в Петербург, порвав на долгие годы отношения с отцом» [4, л. 167].

Менее состоятельные инородцы имели свои мотивы обучения. Так, исследователь якутов В. Троцанский писал: «Люди небогатые смотрят на грамоту как на средство стать писарем, наследным или улусным, и выбиться из своего положения. Они по необходимости поступают в школы и даже в средние учебные заведения, но учатся опять-таки настолько, чтобы попасть в писаря. А, между прочим, все это очень печально, так как якуты, вообще говоря, – народ способный. Я знаю, что один якут поступил в Московский университет, а другой – в Томский» [24, с. 111]. В начале XX в. увеличилось число учителей из представителей народов Восточной Сибири, окончивших учительские семинарии. С 1872 по 1919 г. Иркутскую учительскую семинарию закончили 55 бурят [3, с. 159]. Появились первые учителя у хакасов и якутов. По мере развития просвещения в среде аборигенов отчетливее ставились вопросы улучшения профессионального медицинского обслуживания. В 1907 г. в Якутске открылась первая фельдшерская школа, а в Иркутске она открылась еще раньше в 1892 г.

Поддержанию грамотности среди населения должны были способствовать общественные библиотеки, но в инородческих селениях их было мало. Это ограничивало возможности регулярного чтения грамотных людей. В тех местах, где народы Восточной Сибири близко соприкасались с русскими, читали литературу на русском языке. Корреспонденты Вольного экономического общества в 1895 г. отмечали, что бурятам нравятся книги «с необычным содержанием – сказки, исторические рассказы, случаи из военной жизни; книги духовного содержания иногда и читаются, но не с таким интересом»

[14, с. 302–303]. Как справедливо отмечают иркутские ученые Л. М. Дамешек и Г. В. Оглезнева, «это понятно, так как далеко не все грамотные буряты были православными, да и крещенные не слишком хорошо разбирались в христианском учении» [14, с. 303].

У забайкальских же бурят-ламаистов центрами просвещения были дацаны. Часть бурятского населения получила образование в дацанских школах, где они изучали тибетский, монгольский языки, санскрит, философию буддизма, религиозную символику, индийскую астрологию, медицину. Эти школы способствовали приобщению бурят к индо-буддийской культуре. По переписи 1897 г. из 1 тыс. бурят 837 знали монгольскую грамоту [17, л. 4]. Поэтому последние читали наиболее известные произведения индийской классической и тибетской средневековой культуры.

Периодические же издания второй половины XIX – начала XX в. были малодоступны народам Восточной Сибири. Чтобы выписать газету или журнал, нужно было заплатить солидную денежную сумму. Зажиточные инородцы не испытывали сильной потребности в регулярном чтении периодики, бедные же даже при желании такие средства изыскать не могли. Вследствие этого не все грамотные инородцы имели периодические издания. Имели их отдельные семьи, чаще такие издания, как «Восточное обозрение», «Нива» [14, с. 302]. Книги и периодические издания в основном читали буряты, якуты, хакасы, которые проживали в городах. Как отмечал В. Трошанский, «в город едут из улусов преимущественно наиболее умные и энергичные» [24, с. 129]. Так, среди читателей якутской городской библиотеки в 1912 г. было 14 % якутов, а в 1914 г. – 20 % [12, с. 428].

В начале XX в. известный бурятский общественный деятель Ц. Жамцарано создал организацию «Бурят зоной туг» («Знамя бурятского народа»), которая объединила около 60 учителей бурятских школ [9, л. 98]. Главной задачей этой организации было возрождение национальной культуры. В 1908 г. в Иркутске было основано общество вспомоществования учащимся-бурятам [14, с. 299]. Сбор средств происходил на благотворительных концертах, которые устраивались ежегодно в марте-апреле и представляли собой этнографические вечера с докладами по истории и этнографии бурятского народа, исполнением бурятских хоровых и сольных песен, музыки, танцев, а также инсценировок бурятской свадьбы, обрядов посвящения в «белого шамана», общественно-религиозного женского празднества «Тургэ» или «Тухурэн» [14, с. 299].

В 1913 г. на Всероссийском съезде народных учителей его участник якут С. Новгородов выступил с требованием создания якутской национальной школы, права якутов на образование на родном языке [1]. Затем этот вопрос поднимался им в периодической печати. С. Новгородов популяризировал достоинства преподавания на родном языке и разрабатывал основы и детали будущего якутского алфавита на основе международной фонетической транскрипции.

Большое влияние на развитие познавательной активности аборигенов оказали исследования политическими ссыльными (Д. Клеменц, В. Серошевский,

М. Кроль и др.), а также виднейшими представителями сибирского областничества (Г. Потанин и Н. Ядринцев) их быта, нравов, экономической жизни. В одной из своих работ Н. Ядринцев писал: «...Невозможно допускать в крае, где усваивается цивилизация и просвещение, какое-либо унижение, рабство и эксплуатацию человеческой личности. Это отразится вредно на самом обществе... Чем более мы обратим внимание на судьбу инородца, тем лучше воспитаем свое сердце, свой ум и научимся любить и уважать друг друга; в этом успехи нашего гражданского развития, в этом залог нашего будущего» [27].

Ярким представителем передовой науки в Сибири являлся Афанасий Прокопьевич Щапов – сын дьячка, женатого на бурятке, из села Анга Верхотурского уезда Иркутской губернии. Долгое время А. П. Щапов работал профессором Казанского университета. После знаменитой речи на демонстрации студентов в Казани, устроенной в знак протеста против расстрела царскими войсками крестьян села Бездна, был уволен с профессорской должности в Казанском университете и в 1864 г. сослан в Иркутск. Здесь он изучал историю, хозяйство и быт населения Восточной Сибири и написал ряд работ, в которых изложил свое понимание прошлого и настоящего этого края [26]. В своих трудах А. П. Щапов ратовал за сближение русского народа с другими народами страны. Он также написал ряд исследований по истории России.

Иностранческая интеллигенция стала принимать активное участие в периодической печати. В годы первой русской революции в Якутске издавалась газета «Якутский край», где время от времени печатались статьи якутских авторов [12, с. 433]. В 1912 г. выходила газета «Якутская окраина», а в 1916 г. газета «Якутские вопросы». Обе газеты имели отделы на якутском языке. В 1912 г. издавался журнал «Саха сангата» («Голос якута») [12, с. 433]. С 1897 г. в Чите видным царским сановником, тибетским лекарем П. А. Бадмаевым издавалась первая бурятская газета «Жизнь на восточной окраине» [20, л. 17]. В газете порой публиковались ценные сведения о жизни многонационального населения Забайкалья. В 1910 г. в Петербурге по инициативе Ц. Жамцарано, А. Доржиева, Б. Барадина было основано первое бурятское издательство «Наран» – «Солнце» [20, л. 18]. Оно выпустило в свет ряд филологических трудов [5–7].

В начале XX в. в высших учебных заведениях Европейской России обучалось около 30 бурят, примерно такое же количество было хакасов и якутов [11, с. 451]. Из их среды вышли следующие талантливые ученые: М. Н. Богданов, Ц. Ж. Жамцарано, Н. Ф. Катанов и др. Уроженец Идинского ведомства Иркутской губернии Михаил Николаевич Богданов (1878–1919) грамоту постиг у ссыльного поселенца-поляка, учился в училищах Иркутска и в 1898 г. окончил Казанский учительский институт. Незаурядные способности и жажда знаний привели его в Томский, Петербургский, Берлинский и Цюрихский университеты, где он пребывал в качестве студента-вольнослушателя. А затем он прослушал специальные курсы по кооперации в университете Шаньвского. Богданов М. Н. явился основоположником исторического бурятоведения, автором более 50 научных трудов. Историко-экономические изыскания необходимы были ему для того, чтобы понять ис-

торический путь, пройденный его народом, его современное состояние, происходящие в обществе социально-политические и этнокультурные процессы, обрисовать перспективы будущего. Его интересовали не только вопросы бурятской жизни, но и вопросы сибирского, российского и мирового значения [8].

Цыбен Жамцарано (1881–1942) родом из агинских бурят Забайкальской области. Начальное образование получил в Читинском трехклассном училище, затем обучался в Санкт-Петербурге, в гимназии, основанной Петром Бадмаевым. В 1902 г. поступил в Санкт-Петербургский университет. Здесь он занимался по многим научным дисциплинам. Слушал лекции по востоковедению и философии, по праву и языкознанию. Посещал лекции и семинары на естественных факультетах, поскольку готовил себя к просветительской деятельности в широком смысле этого слова. Но была у него наиболее близкая область знаний – это фольклористика, научные приемы и методы записи произведений устного народного творчества. В ходе многочисленных экспедиций в Иркутскую губернию, Забайкальскую область, а также Монголию Ц. Жамцарано собрал богатейшие фольклорные, этнографические, лингвистические, археологические и другие материалы и коллекции по бурятам и монголам, которые поступили затем в архивы и музеи Петербурга [2].

Интересным и своеобразным был творческий рост хакаса Н. Ф. Катанова. Еще будучи гимназистом Красноярской классической гимназии, он собрал языковые, фольклорные и этнографические материалы о сагайцах, к которым принадлежал сам. С 1884 по 1888 г. он учился на восточном факультете Санкт-Петербургского университета, участвовал в различных экспедициях в Сибирь и Восточный Туркестан. Дальнейшая научная деятельность Н. Ф. Катанова развернулась в Казанском университете, где с 1898 по 1914 г. он был председателем общества археологии, истории и этнографии. Этот первый хакасский профессор уделял большое внимание изучению условий жизни и быта хакасов, их расселению, происхождению, административному устройству, особенностям хозяйственного развития, этническому составу и верованиям [10].

Были и среди представителей коренного населения Сибири собиратели материалов по этнографии и фольклору. Особенно много было таковых среди бурят Иркутской губернии, наиболее интенсивно «облученных» русской культурой. Хотелось бы в первую очередь упомянуть М. Хангалова и П. Баторова. Талантливый педагог М. Н. Хангалов в конце XIX – начале XX в. собрал и опубликовал более 150 фольклорных текстов – сказок, улигеров, шаманских мифов [14, с. 377], был активным членом ВСОРГО. Другим ее активистом был тайша Аларского ведомства П. П. Баторов, который, помимо исполнения своих обязанностей, собирал коллекции по бурятскому быту [14, с. 328].

Среди других исследователей конца XIX – начала XX в. необходимо отметить: бурят Г. Цыбикова (востоковед) и братьев А. и П. Бадмаевых (специалисты по тибетской медицине); хакаса С. Майнагашева (этнограф); якута А. Кулаковского (филолог). Работу подвижников из среды аборигенов всячески поддерживали известные общественные деятели Сибири: Г. Н. Потанин, Д. А. Клеменц, Н. Н. Агапитов и др.

В начале XX в. видными представителями сибирских народов была проявлена большая религиозная активность. В связи с ней необходимо отметить деятельность видных представителей общественного движения бурят начала XX в.: Цанит-хамбо ламу А. Доржиева и ученого Ц. Жамцарано. Они стремились духовно соединить бурятский народ на базе одной религии – буддизма. В связи с этим они вместе, начиная с 1906 г., предпринимают ряд шагов, направленных на обращение иркутских бурят в буддийскую веру. А. Доржиев в январе 1908 г. писал директору департамента иностранных вероисповеданий: «...Так как бурятский народ не может обойтись без религии, и шаманство психологически отжило свой век, то исторический процесс народной психологии остановился на буддизме, как вполне совершенной и родной им религии их предков и забайкальских бурят, с которыми иркутские буряты находятся в тесном племенном родстве... чересчур ревностная деятельность миссионеров навсегда отшатнула бурят от христианства и бесповоротно склонила его в другую сторону» [19, л. 34–34 об.]. Как бы продолжая эту мысль, Ц. Жамцарано отмечал в одной из своих работ: «Буддизм в глазах бурятского народа стал убежищем для национального духа, а православие – символом обрусения и насилия» [22, с. 20–21].

Чтобы облегчить выполнение своей цели, А. Доржиев специально для иркутских бурят изобрел новый монголо-бурятский алфавит по типу монгольской азбуки и развернул широкую агитацию среди бурят Иркутской губернии [19, л. 70]. Ц. Жамцарано в своих многочисленных публикациях требовал от правительства: официально уравнивать в правах ламаистское духовенство с православным, узаконить право преподавания буддийского учения в бурятских школах, разрешить строительство дацанов в неограниченном количестве с широкой сетью дацанских школ и распространение на монгольском и русском языках буддийской религиозной литературы [21, с. 173].

Считая буддизм одним из главных средств национального возрождения бурят, Ц. Жамцарано полагал, что «с восприятием буддизма буряты-шаманисты постепенно усвоят высшие нравственные идеалы, научатся уважать, ценить себя и других, расширится их духовный кругозор, они освоятся с родною монголо-бурятскою письменностью, литературой, и сами будут по примеру забайкальских сородичей писать и читать свои мысли по-бурятски, будут через литературу сноситься со всеми монголами, войдут в идейное общение с ними» [2, л. 18 об.].

Хотелось бы остановиться на биографии известного бурятского деятеля Агвана Доржиева. Он родился в 1853 г. в местечке Хаара-Шибирь Хоринской степной думы. В 18 лет Агван принимает решение посвятить себя буддийской духовной деятельности и отправляется в Тибет на учебу в знаменитый Гоманский дацан при монастыре Брайбун. Когда ему исполнилось 35 лет, он успешно сдал экзамены и получил ученую степень лхарамба [25, с. 98]. Вскоре, в числе семи ученых-лам, А. Доржиев стал учителем буддийской философии при Далай-ламе XIII, которому в то время было 12 лет.

Оказавшись при дворе тибетского Далай-ламы, Агван Доржиев стал играть ведущую роль во внешней политике правительства Тибета в конце

XIX – начала XX в. Его деятельность была направлена на сближение Тибета с Россией [25, с. 98]. Часто А. Доржиев бывал в России, ее столице Санкт-Петербурге, где поддерживал постоянные контакты с царем Николаем II, главой правительства С. Ю. Витте и другими высшими сановниками.

О религиозной деятельности А. Доржиева было уже сказано выше, хотелось только добавить, что он организовал отправку бурятских и калмыцких юношей на учебу в знаменитые монастыри Тибета. Ему принадлежит идея и организация строительства буддийского храма в Санкт-Петербурге, которая была воплощена в 1915 г. Однако результаты деятельности А. Доржиева и Ц. Жамцарано по обращению иркутских бурят в буддизм имели ограниченный характер, в основном из-за резкого противодействия властей, которые опасались «бурятского сепаратизма» [9, л. 98]. Буддийская религия утвердилась у части бурят Аларского ведомства. В начале XX в. из каждой тысячи бурят Иркутской губернии только 106 были буддистами [23, с. 22–23].

Список литературы

1. Автономная Якутия. – 1924. – 9 марта.
2. Архив востоковедов Института востоковедения Академии наук, Санкт-Петербургское отделение [АВИВАН, СПб. О]. Ф. 62. Оп. 1. Д. 43.
3. *Андреев В. И.* Школьное образование у бурят накануне февральской революции 1917 г. / В. И. Андреев. – Иркутск, 1958. – 137 с.
4. Архив Российской Академии наук, Санкт-Петербургское отделение [АРАН, СПб. О]. Ф. 282. Оп. 3. Д. 6.
5. *Барадин Б. Б.* Отрывки из бурятской народной литературы / Б. Б. Барадин. – СПб., 1911.
6. *Барадин Б. Б.* Сборник монголо-бурятской народной поэзии / Б. Б. Барадин. – СПб., 1910.– Вып. 1..
7. *Барадин Б. Б.* Сборник монголо-бурятской народной поэзии / Б. Б. Барадин. – СПб., 1911.– Вып. 2.
8. *Богданов М. Н.* Бурятское «возрождение» // Сиб. вопр. – 1907. – № 3.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 119. Д. 14.
10. *Иванов С. Н.* Н. Ф. Катанов. Очерк жизни и деятельности / С. Н. Иванов. – М. : Наука, 1973. – 114 с.
11. История Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ : Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1954. – Т. 1. – 495 с.
12. История Сибири. – Л. : Наука, 1968. – Т. 2. – 535с.
13. История Сибири. – Л. : Наука, 1968. – Т. 3. – 630 с.
14. История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. – М. : Прогресс-Культура, 1995. – 544 с.
15. *Ким Н. В.* К биографии Доржи Банзарова // Этнограф. сб. – Улан-Удэ, 1974. – Вып. 6.
16. *Островских П. Е.* Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. – СПб., 1895. – Вып. 3–4.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 175. Д. 339.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2370.
19. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 413,

20. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 562.
 21. Сиб. вопр. – 1906. – № 2.
 22. Сиб. вопр. – 1907. – № 21.
 23. Сиб. вопр. – 1908. – № 37–38.
 24. *Троцанский В. Ф.* Наброски о якутах Якутского округа / В. Ф. Троцанский. – Казань : Типогр. Импер. ун-та, 1911. – 144 с.
 25. *Чимитдоржиев Ш. Б.* Бурятские буддийские деятели за рубежом (в Монголии, Тибете, Индии...) // Вестн. Междунар. центра азиат. исслед. – Иркутск, 1999. – Вып. 2. – С. 96–101.
 26. Щапов А. П. Сочинения / А. П. Щапов. – СПб. : Изд. М. В. Пирожкова, 1906. – Т. 2. – 20 с.
 27. *Ядринцев Н. М.* Иностранческий вопрос // Неделя. – 1881. – № 3.

Development of Freethought and Public Activity Manifestation among Native Siberians in the XIXth – the Early XXth centuries

Ch. G. Andreev

Ulan-Ude Institute of Railway Transport, Ulan-Ude

Abstract. The author analyzes the activity of prominent representatives of native Siberians in the second half of the XIXth – the early XXth century. The study was done in terms of their influence on the development of education, culture and religious consciousness of the indigenous people of Siberia.

Keywords: education, public organizations, religion.

Андреев Чингис Георгиевич

*доктор исторических наук, профессор
Улан-Удэнский институт железнодорожного транспорта – филиал ИрГУПС
670034, г. Улан-Удэ,
пр. 50-летия Октября, 58
тел.: 8(902)163-21-79
e-mail: chin-andr@mail.ru*

Andreev Chingis Georgievich

*Doctor of Sciences (History), Professor
Ulan-Ude Institute of Railway Transport
branch of Irkutsk State Transport University
58, 50-letiya Oktyabrya (50-th anniversary
of October Revolution), Ulan-Ude, 670034
tel.: 8(902)163-21-79
e-mail: chin-andr@mail.ru*